

EDN: ZTXBCY
УДК 343.2/.7

Criminal-Legal Methods to Ensure Non-Obstruction of Legitimate Entrepreneurial or Other Economic Activity

Irina V. Shishko* and Larisa I. Romanova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 28.12.2022, received in revised form 09.03.2023, accepted 10.03.2023

Abstract. The purpose of the paper is to study theoretical ideas about the signs of the corpus delicti under Part 1 of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation as well as its application practice. The need for this is stipulated by the task of accelerated economic development. General scientific (dialectical, formal legal, deduction and induction, analysis and synthesis) and private scientific (formal legal, etc.) research methods are used. The study gives arguments in favor of the inadmissibility of interpreting obstruction of legitimate entrepreneurial or other activities as an act that entails the impossibility or significant restriction of economic activity. Research raises the problem of necessity to distinguish between criminal obstruction and administratively punishable restriction of competition by authorities, local governments, as well as other administrative torts. The content of the intent is clarified. It is summarized that at the present stage, Article 169 of the Criminal Code is an important legal instrument for the development of economic activity that requires legislative improvement.

Keywords: obstruction of legitimate entrepreneurial or other activities; absence of necessity to establish the materiality of obstruction; differentiation between obstruction and restriction of competition by authorities, local governments; insignificance of obstruction.

Research area: law.

Citation: Shishko I. V., Romanova L. I. Criminal-legal methods to ensure non-obstruction of legitimate entrepreneurial or other economic activity. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2023, 16(5), 705–714. EDN: ZTXBCY

Уголовно-правовые способы обеспечения не воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности

И.В. Шишко, Л.И. Романова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Целью статьи является исследование теоретических представлений о признаках состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 169 Уголовного кодекса РФ, и практики ее применения. Необходимость этого обусловлена задачей ускоренного развития экономики. Используются общенаучные (диалектические, формально-логические, дедукция и индукция, анализ и синтез) и частнонаучные (формально-правовые и т.д.) методы исследования. Приведены аргументы в пользу недопустимости толкования воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности как деяния, влекущего невозможность или существенное ограничение экономической деятельности. Поднята проблема необходимости разграничения преступного воспрепятствования и административно наказуемого ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления, а также иными административными деликтами. Уточняется содержание умысла. Резюмируется, что на современном этапе статья 169 УК – важный для развития экономической деятельности правовой инструмент, требующий законодательной доработки.

Ключевые слова: воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности; отсутствие необходимости установления существенности воспрепятствования; разграничение воспрепятствования и ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления; малозначительность воспрепятствования.

Научная специальность: 5.1.4 – уголовно-правовые науки.

Цитирование: Шишко И. В., Романова Л. И. Уголовно-правовые способы обеспечения не воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2023, 16(5), 705–714. EDN: ZTXBCY

Введение

Переход России к рыночной экономике был непростым для тех, кто намеревался осуществлять предпринимательскую деятельность. Должностные лица органов исполнительной власти «по инерции» продолжали относиться ко всем юридическим лицам как к объекту управления: решали вопрос о целесообразности создания юридического лица с учетом его будущей деятельности, заключали договоры с вновь созданными

коммерческими организациями о выполнении последними целого ряда не установленных нормативными актами обязанностей, многие из которых законодательством возлагались на органы местного самоуправления.

Именно поэтому конституционное право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не осталось декларацией, а было обеспечено нормами

ряда отраслей права, включая уголовно-правовые. Так, в Уголовном кодексе РФ 1996 г. это право впервые было защищено специальной статьей 169 «Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности». Позднее название статьи было расширено: в него после слова «предпринимательской» внесли словосочетание «или иной деятельности», а в диспозиции «коммерческие организации» были заменены на «юридические лица». Казалось бы, новая редакция достаточно расширила пределы применения статьи 169 УК: преступным стало и воспрепятствование законной деятельности некоммерческих организаций. Таким образом, одна из первых, поднятых в науке уголовного права, проблем применения указанной статьи была решена.

Вместе с тем основания уделить внимание статье, установившей уголовную ответственность за воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, на этапе, когда развитие экономической деятельности стало острой необходимостью, есть. Дело в том, что одна из причин редкого применения статьи 169 УК – различное толкование объективных и субъективных признаков этого преступления.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы (диалектический, формально-логический, дедукция и индукция, анализ и синтез) и частнонаучные (формально-правовой, правового прогнозирования).

Обсуждение

Начнем с непосредственного объекта этого преступления. Несмотря на то, что к этому элементу состава на практике обращаются крайне редко, полностью игнорировать его нельзя и практическим работникам.

Так, описанные выше изменения в названии и диспозиции части первой статьи позволили некоторым авторам заключить, что «непосредственным объектом этого преступления являются не только свобода предпринимательства, но и свобода поли-

тической, религиозной и иной общественной деятельности в части регистрации и деятельности некоммерческих организаций» (Klepitskii, 2021: 722), либо сделать вывод об охране статьей 169 УК законной неэкономической деятельности (Lopashenko, 2006: 237).

Полагаем, что дополнение названия статьи «иной деятельностью» не позволяет включать в основной непосредственный объект воспрепятствования, предусмотренного ст. 169 УК, свободу политической, религиозной или иной общественной деятельности, поскольку эти объекты находятся за пределами видового объекта преступления главы 22 УК.

Категорически не можем поддержать и позицию, согласно которой основным объектом рассматриваемого преступления «выступают общественные отношения в сфере государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» (Zarubin, 2019: 115). Этот объект воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности с учетом местоположения статьи 169 в главе 22 УК может иметь статус только дополнительного.

Описание преступления в ч. 1 ст. 169 УК необычно: в нем сочетается казуистичное и абстрактное. И, как всегда, второй способ описания вызывает трудности в применении нормы. Однако затруднение вызвала и конструкция состава по типу формальных. Отсутствие привычных криминообразующих последствий (существенное нарушение, крупный ущерб и т.д.) позволило ряду специалистов усомниться в наличии оснований для криминализации воспрепятствования (Esakov, 2019: 57) либо толковать деяние, «дооснащая» его различными признаками, способными, по их мнению, повысить степень его общественной опасности.

Так, например, в учебной литературе объективную сторону этого преступления описывают как «создание каких-либо помех или создание таких условий, при которых предпринимательская деятельность становится невозможной или существен-

но ограничивается» (Ermakova, 2009: 239), а такое деяние, как «иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица» интерпретируют как совершение «незаконных действий, сопровождающихся как угрозами наступления вредных последствий, так и подтверждающими угрозы действиями...» (Kovalev, 2018: 155).

Определенное подтверждение позиции авторов, дающих ограничительное толкование воспрепятствованию, можно найти и в практике. К примеру, в информационном письме Генпрокуратуры Российской Федерации от 15.08.2016 сообщалось о двух случаях воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности сотрудниками полиции, установленных в Ставропольском крае и Смоленской области. В первом случае виновное должностное лицо обследовало с применением сил ОМОН офисное помещение коммерческой организации, где в это время находились посетители и контрагенты. Такое обследование, отмечалось в информационном письме, повлекло причинение вреда деловой репутации этой организации и *значительные убытки* (выделено нами – И.Ш.). Второе деяние состояло в заведомо незаконном изъятии компьютерных комплектующих в организации, что повлекло приостановление ее *производственной деятельности более чем на полтора месяца* (выделено нами – И.Ш.).

Однако приведенные в информационном письме примеры воспрепятствования повлекли последствия, «заслуживающие» признания их либо существенным нарушением прав или законных интересов граждан или организаций (ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК), либо даже тяжкими последствиями, предусмотренными в ч. 3 ст. 285 и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК (в соответствии с п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19).

Другая группа авторов дает адекватное толкование воспрепятствованию, не сводя его исключительно к существенно ограничивающему экономическую деятельность (Gladkikh, 2021: 34; Volzhenkin, 2007: 146; Kozlov, 2014: 155; Naumov, 2016: 391). И эта

позиция тоже подкрепляется судебной практикой. Более того, суды при постановлении приговора по ст. 169 УК даже указывают, что причинение существенного вреда является признаком злоупотребления должностными полномочиями, и этот признак относится к разграничивающим составы двух преступлений (Уголовное дело № 191/2008 из архива Первомайского районного суда г. Пензы).

Полагаем, что оснований ограничивать воспрепятствование, предусмотренное ч. 1 ст. 169 УК, степенью «существенности» нет.

Во-первых, названный признак не указан в диспозиции ч. 1 ст. 169 УК.

Во-вторых, признак «воспрепятствование» встречается в целом ряде норм УК (ст. 124.1, 141, 144, 148, 149 и других). Их изучение показало следующее. В тех случаях, когда законодатель имеет в виду сопровождение воспрепятствования угрозами или принуждением, он непосредственно упоминает их в норме наряду с названным признаком. К примеру, в ч. 1 ст. 141 УК установлена ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, а то же деяние, соединенное с принуждением либо с угрозой применения насилия, представляет уже квалифицированное преступление (ч. 2 ст. 141 УК). В ч. 1 ст. 144 УК ответственность предусмотрена за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов путем принуждения их к распространению или к отказу от распространения информации, а в ч. 3 этой же статьи – за то же деяние с угрозой применения насилия. В ч. 3 ст. 148 УК преступным названо незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов или церемоний, а применение насилия или угроза его применения указаны в качестве альтернативных квалифицирующих признаков этого воспрепятствования (п. «б» ч. 4 ст. 148 УК).

В одной из норм законодатель частично раскрывает понятие «незаконное воспре-

пятствование», указывая, что в него входят, в том числе, уклонение или отказ от передачи документов либо имущества (ч. 3 ст. 195 УК).

Как видно, ни принуждение, ни угрозы, ни действия, подтверждающие угрозы, законодатель в понятие «воспрепятствование» не вкладывает.

В-третьих, «приписывание» воспрепятствованию в каком-либо виде признака существенности по сути означает утверждение необходимости установления существенного нарушения прав и законных интересов потерпевших от этого преступления, т.е. последствий, обязательных для злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. Но замысел законодателя в создании специальной нормы (ч. 1 ст. 169 УК) в том и состоял, чтобы для расширения пределов уголовной ответственности должностных лиц за это воспрепятствование не включать в диспозицию такие обязательные признаки преступлений, предусмотренных «общими» нормами (ст. 285 и 286 УК), как последствия.

В-четвертых, применительно именно к существенному нарушению прав и законных интересов граждан или организаций как последствию преступлений, предусмотренных ст. 285 и 286 УК, необходимо, по разъяснению Верховного Суда (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19), учитывать «статус» нарушенного права и «степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан...».

Статус права, нарушаемого статьей 169 УК, вне сомнения, высок: это право гарантировано Конституцией Российской Федерации. Таким образом, одна составляющая существенности нарушения прав граждан или организаций имманентно присуща воспрепятствованию законной экономической деятельности, и уже в силу этого трудно поддержать высказывания авторов о необходимости его декриминализации (Esakov, 2019: 57; Lopashenko, 2006: 238). Не ставит-

ся ведь вопрос о декриминализации нарушений других конституционных прав, хотя составы преступлений, предусмотренных частями первыми статей 137, 138, 141 УК, сконструированы тоже как формальные.

Что касается второй составляющей существенности нарушения прав граждан или организаций, то отсутствие в ч. 1 ст. 169 УК указанного последствия исключает необходимость установления степени отрицательного влияния воспрепятствования на деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

В-пятых, санкцию уголовно-правовой нормы признают законодательным выражением общественной опасности преступления. Общественную опасность злоупотребления должностными полномочиями и превышения этих полномочий, которые преступны только в случае существенного нарушения прав и законных интересов потерпевших, законодатель оценивает санкцией, предусматривающей максимальное наказание в виде лишения свободы до четырех лет. В связи с этим утверждение о необходимости установления существенности воспрепятствования полностью расхожется с санкцией в ч. 1 ст. 169 УК: в ней наказание в виде лишения свободы не предусмотрено вовсе.

Конечно, на практике неизбежны случаи, когда воспрепятствование будет представлять малозначительное деяние. Такую правовую оценку, например, должны получить указания глав администраций районов руководителям юридических лиц и индивидуальным предпринимателям «как-то украсить входную группу/вход в здание перед Новым годом»: стоимость такого украшения (ветки с елочной игрушкой или гирлянды), как правило, не превышает 500–900 руб.

И. А. Клепицкий отмечает, что «советы, рекомендации и просьбы сами по себе в качестве воспрепятствования предпринимательской или иной деятельности рассматриваться не могут» (Klepitskii, 2021: 724). С этим следует согласиться, однако необходимо учитывать все обстоятельства, сопровождающие такие советы и рекомендации.

В период регулирования экономики (а не управления, имевшего место ранее) методы и формы воздействия на нее изменились, и управление может осуществляться только государственными и муниципальными унитарными предприятиями, либо государственными или муниципальными учреждениями. Это понимают и должностные лица. В этой связи советы, просьбы и рекомендации нередко становятся способом закамуфлировать воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. К примеру, исходящая от заместителя главы города рекомендация руководителям некоторых коммерческих организаций не участвовать в закупках оборудования для строительства должна квалифицироваться как незаконное ограничение самостоятельности этих организаций, если получателям рекомендации известно, что в этих закупках участвуют организации, к бенефициарам которых относятся дети, супруга этого должностного лица либо де-факто он сам.

Такую же правовую оценку следует дать просьбе этого должностного лица, если руководителям организаций и индивидуальным предпринимателям города известно, что отказ от исполнения его «просьб» сопровождается какими-либо негативными последствиями.

По мнению Н.Г. Вольдимаровой, одна из проблем применения статьи 169 УК состоит в том, что она в определенной мере дублирует признаки правонарушения, предусмотренного ст. 14.25 КоАП. Однако административная ответственность должностных лиц, соответствующих дефиниции должностного лица в примечании 1 к статье 285 УК, установлена только ч. 1 и 2 ст. 14.25 КоАП. Все иные нормы указанной статьи предусматривают ответственность руководителей организаций и индивидуальных предпринимателей.

При этом из санкций ч. 1 и 2 ст. 14.25 КоАП видно, что законодатель оценивает общественную опасность этих деяний как крайне низкую: за их совершение предусмотрен штраф в размере от одной до двух тысяч рублей. И это объяснимо. Так, право-

нарушение, предусмотренное ч. 1 этой статьи, состоит в несвоевременном или неточном внесении записей о юридическом лице в ЕГРЮЛ или об индивидуальном предпринимателе в ЕГРИП.

Немногом опаснее законодатель считает нарушения, описанные в ч. 1, 1.1 и 2 ст. 5.63. КоАП. Так, за требование должностными лицами для предоставления государственных услуг документов, не предусмотренных федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, штраф установлен в размере от пяти до десяти тысяч рублей (ч. 2). И поскольку в этом же действии может заключаться и преступное воспрепятствование, законодатель включил в ч. 2 данной статьи негативный признак «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния». Аналогичным негативным признаком «снабжены» ч. 1 и 1.1 этой статьи, ответственность в которых предусмотрена за нарушение порядка предоставления государственных услуг, если оно повлекло непредоставление государственной услуги заявителю либо ее предоставление с нарушением установленных сроков. Учитывая, что государственная регистрация и лицензирование – разновидности государственных услуг, значительное сходство составов этих административных деликтов и преступного воспрепятствования очевидно. Негативные признаки помогают разграничению правонарушений (ч. 1 и 1.1 ст. 5.63. КоАП) с преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 169 УК: согласно диспозиции последней преступны не любые нарушения порядка предоставления государственных услуг, а только неправомерный отказ в государственной регистрации или уклонение от нее либо неправомерный отказ в выдаче лицензии на осуществление определенной деятельности или уклонение от ее выдачи. В то же время разграничению этого преступления и ч. 2 ст. 5.63. КоАП негативный признак не поможет, так как трудно определить, в каких случаях указанные действия приобретают преступную общественную опасность.

Изучение небогатой судебной и следственной практики показало, что в структуре деяний, подпадающих под ст. 169 УК, немало запрещенных антимонопольным законодательством. Так, суды считают преступным воспрепятствованием ограничение самостоятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, выразившееся в нарушении их прав на равный доступ к поставкам товаров для государственных нужд. Такая позиция отражена, например, в Приговоре Заднепровского районного суда г. Смоленска от 13.06.2017 по делу № 1–134/2017, а также в Приговоре Ленинского районного суда г. Оренбурга от 19.09. 2018 по делу № 1–523/2018.

При этом особого внимания в нашем исследовании заслуживает перечень актов/действий, принимать/осуществлять которые запрещено должностным лицам органов и организаций, перечисленных в ст. 15 Закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ (далее – ЗоЗК). Большинство из них, вне сомнения, препятствуют законной предпринимательской или иной деятельности. К примеру, установление запретов или введение ограничений в отношении осуществления каких-либо видов деятельности или производства определенных видов товаров либо введение ограничений создания хозяйствующих субъектов в какой-либо сфере деятельности (п. 1 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК) – это незаконное ограничение самостоятельности (ч. 1 ст. 169 УК). Аналогично следует квалифицировать ограничение прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на продажу, покупку, иное приобретение, обмен товаров (п. 3 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК); дачу им указаний о первоочередных поставках товаров для определенной категории покупателей (заказчиков) или о заключении договоров в приоритетном порядке (п. 4 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК), а также деяния, предусмотренные п. 2, 5, 10 ч. 1 ст. 15 ЗоЗК.

Вместе с тем на практике указания должностных лиц обеспечить заключение договоров поставки с местными производителями, иногда сочетающиеся с требованием расторгнуть договоры поставки, ранее

заключенные с другими изготовителями, квалифицируются не по ст. 169 УК, а как административно наказуемое ограничение конкуренции органами власти, органами местного самоуправления (ст. 14.9 КоАП) (Petrov, 2022: 202). И это не случайно. Перечисленные действия подпадают под обе статьи.

Как видно, многие деяния, ограничивающие конкуренцию, одновременно являются незаконным ограничением самостоятельности или иным незаконным вмешательством в деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя.

Именно проблема разграничения деяний, образующих преступное воспрепятствование, и указанных административных деликтов стала одной из причин применения ч. 1 ст. 169 УК в редких случаях. Высказанные в литературе «рецепты» включить в диспозицию ч. 1 ст. 169 УК последствия в виде ущерба (не крупного) либо корыстную или иную личную заинтересованность (Kovalenko, 2020: 42; Vol'dimarova, 2020: 18) вряд ли заслуживают поддержки: ущерб от многих деяний, образующих объективную сторону преступного воспрепятствования, невозможно определить, а признак личной заинтересованности, судя по опыту применения ст. 199.1 УК, «устанавливается» почти во всех случаях.

Неотложную помощь в разграничении преступного воспрепятствования и названных выше административных проступков могла бы оказать высшая судебная инстанция, разъяснив, в частности, что деяния, предусмотренные ст. 15 ЗоЗК, одновременно незаконно ограничивающие самостоятельность юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 169 УК, как посягающие на конституционную свободу экономической деятельности. Добавим, что опасность принятия актов, запрещенных ст. 15 ЗоЗК, гораздо выше опасности, присущей административным проступкам: акты создают угрозу нарушения конституционной свободы не одного субъекта, а неопределенного круга таких субъектов.

Однако без законодательного вмешательства в разграничение воспрепятствования (ч. 1 ст. 169 УК) и указанного выше ряда проступков не обойтись: законодатель обязан позаботиться о надлежащей степени ясности норм КоАП (ч. 2 ст. 5.63 и ст. 14.9).

Ссылаясь на «прямой» текст действующего закона, профессор А. Э. Жалинский утверждает, что без последствий нет умысла, «нет преступлений в сфере экономической деятельности» (Zhalinskii, 2015: 338). Однако точка зрения, согласно которой в преступлениях с формальным составом умысел отсутствует, в уголовно-правовой литературе практически не поддерживается. Необоснованным представляется и утверждение о возможности совершения воспрепятствования (ч. 1.ст.169 УК) как с прямым, так и с косвенным умыслом (Vol'dimarova, 2020: 18).

Подавляющее большинство авторов единодушны в том, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 169 УК, совершается только с прямым умыслом: состав сконструирован как формальный. Нет сомнений и в том, что ни цель, ни мотив обязательными признаками субъективной стороны этого преступления не являются.

Однако для констатации умысла необходимо, чтобы виновный осознавал незаконность своего деяния.

Так, М. инкриминировали ч. 1 ст. 169 УК за требование к ООО замены предмета госконтракта в связи с отсутствием у организации обязательного сертификата соответствия. Однако в суде было установлено, что «в момент совершения деяния вопрос об отнесении препарата к продукции, подлежащей обязательной сертификации, был спорным, и доказательства осознания М. необязательности сертификации препарата представлены не были» (Апелляционное определение Московского городского суда от 12.02.2015 по делу № 10–702/15). М. была оправдана.

Таким образом неосознание незаконности должностным лицом своего деяния исключает вину в совершении преступления, предусмотренного ст. 169 УК. И в настоящее время шансы столкнуться с неосозна-

нием должностными лицами незаконности своего деяния значительно увеличились. Такое утверждение основывается на растущей нестабильности российского законодательства (Tkachenko, 2017: 8). Так, начиная с 2007 г., количество принятых в год федеральных законов превышает 300, в 2016 г. их количество составило 524 (Tkachenko, 2017: 10), а в 2020 г. – 530 законов (<http://duma.gov.ru/news/50412/>).

При такой динамичности федеральных законов внесение соответствующих изменений в подзаконные акты обречено на запаздывание, и незаконность последних в части, пришедшей в несоответствие, не всегда без серьезного изучения может установить и квалифицированный юрист. Именно большое количество устаревших нормативных правовых актов стало одной из причин запуска механизма «регуляторной гильотины».

Г. А. Есаков называет воспрепятствование, предусмотренное ст. 169 УК, ложным экономическим преступлением, посягающим на экономическую деятельность опосредованно «через нарушение нормальной деятельности государственно-властного аппарата» (Esakov, 2019: 56). Однако ст. 169 УК устанавливает ответственность за деяния, препятствующие осуществлению экономической деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, самым непосредственным образом: установление необходимости согласования принимаемых ими управленческих решений, навязывание им своих вариантов решений, незаконное проведение проверок и незаконное изъятие документов, навязывание условий договоров, запрет заключать договоры с определенными контрагентами или, наоборот, требование заключить договор с определенными контрагентами либо осуществлять поставку продукции определенным контрагентам в первоочередном порядке, безусловно, создают помехи в экономической деятельности.

Заключение

Итак, в России уголовно-правовой инструмент обеспечения роста масштабов

экономической деятельности есть. Для вменения ч. 1 ст. 169 УК не нужно устанавливать ни мотивов виновного, ни последствий воспрепятствования, что значительно облегчает правоприменение. Добавим, что, в отличие от общих норм (ст. 285 и 286 УК), воспрепятствование может быть осуществлено должностным лицом путем использования служебного положения, а не только должностных полномочий, что тоже расширяет пре-

делы ответственности по специальной норме. И квалификация незаконных деяний должностных лиц в процессе, например, их лицензионно-разрешительной или контрольно-надзорной деятельности не должна вызывать затруднений. Однако для обеспечения разграничения преступного воспрепятствования и ряда схожих с ним административных деликтов законодатель должен устранить неразличимость в их описании.

Список литературы / References

Ermakova L. D. et al. *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Osobennaia chast'* [Criminal law of the Russian Federation. The special part], Moscow, Norma. InFRA-M, 2009. 800 p.

Esakov G. A. *Ekonomicheskoe ugolovnoe pravo: obshchaia chast'* [Economic Criminal Law: General part]. Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 359 p.

Gladkikh V. I. *Vospriyatstvie zakonnoi predprinimatel'skoi ili inoi deiatel'nosti: teoretiko-prikladnoi analiz stat'i 169 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Obstruction of lawful entrepreneurial or other activity: theoretical and applied analysis of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In *Nauchnii portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, 2, 32–39.

Klepitskii I. A. *Novoe ekonomicheskoe ugolovnoe pravo* [New Economic Criminal Law]. Moscow, Prospekt, 2021. 984 p.

Kozlov A. P. *Sluzhebnie prestupleniia* [Official crimes], Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University, 2014. 734 p.

Kovalev M. V. *O nekotorykh voprosakh kvalifikatsii vospriyatstviivaniia zakonnoi predprinimatel'skoi deiatel'nosti* [On some issues of qualification of obstruction of legitimate business activity]. In *Vestnik VEGU* [Bulletin of the VEGU], 2018, 6(98), 148–156.

Kovalenko T. S. *Problemy privlecheniia k ugolovnoi otvetstvennosti po st. 169 UK RF za vospriyatstvie zakonnoi predprinimatel'skoi ili inoi deiatel'nosti* [Problems of bringing to criminal responsibility under Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation for obstruction of legitimate business or other activities]. In *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2020, 17, 38–42.

Lopashenko N. A. *Prestupleniia v sfere ekonomiki: avtorskii kommentarii k ugolovnomu zakonu* [Economic crimes: the author's commentary on the Criminal law], Moscow, Walters Kluwer, 2006. 720 p.

Naumov A. V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs leksii v 3 tomah, tom 2 Osobennaia chast'* [Russian Criminal Law: a course of lectures in 3 volumes, volume 2 Special part], Moscow, Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, 2016. 552 p.

Petrov D. A. et al. *Podderzhka konkurentsii: ekonomicheskie i iuridicheskie mekhanizmi obespecheniia balansa interesov proizvodstva i potrebleniia* [Competition support: economic and legal mechanisms to ensure a balance of interests of production and consumption], Moscow, Publishing Group «Jurist», 2022. 224 p.

Tkachenko N. *Statisticheskii analiz federalnogo zakonodatelstva* [Statistical analysis of federal legislation], Moscow, 2017. 57 p.

Vol'dimarova N. G. *Aktual'nie problemy ugolovnoi otvetstvennosti za ekonomicheskie prestupleniia* [Actual problems of criminal liability for economic crimes], Moscow, Prospekt, 2020. 56 p.

Volzhenkin B. V. *Prestupleniia v sfere ekonomicheskoi deiatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii* [Crimes in the sphere of economic activity under the criminal law of Russia]. Saint-Petersburg, Legal Center «Press», 2007. 765 p.

Zarubin A. V. Otvetstvennost' za vosprepiatstvovanie zakonnoi predprinimatel'skoi ili inoi deiatel'nosti v ugovnom prave Rossii [Liability for obstruction of lawful business or other activity in the criminal law of Russia]. In *Problemy ukrepleniia zakonnosti i pravoporiadka: nauka, praktika, tendentsii* [Problems of strengthening law and order: science, practice, trends], 2019. 12, 113–119.

Zhalinskii A. E. *Izbrannie Trudi v 4 tomah: tom 2 Ugolovnoe parvo* [Selected works in 4 volumes: volume 2 Criminal law], Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 591 p.